

Й. КОНЕН

(Люксембургский университет)

**Большой пожар в Кёнигсберге
в зеркале поэзии того времени¹**

Статья посвящена грандиозному пожару, произошедшему в Кёнигсберге во времена Канта. Это событие нашло свое отражение в творчестве местных поэтов. Их поэзию сложно назвать литературой с большой буквы. Однако она прекрасно иллюстрирует атмосферу и дух Кенигсберга второй половины XVIII века.

Кёнигсберг второй половины XVIII столетия, т. е. периода своего духовного расцвета, был печально известен своими пожарами. Около двухсот лет подобные катастрофы обходили стороной столицу Восточной Пруссии, но с пятидесятых годов пожары следуют один за другим почти регулярно через небольшие промежутки времени. Первый крупный пожар, во время которого сгорело 59 домов, произошел 2 августа 1756 г.; затем в течение 20 лет происходят следующие четыре пожара, еще более ужасные, чем предыдущие. В 1764 г. было разрушено 369 домов и 49 складов, в 1769-м 76 домов и 143 склада, а в 1775-м даже 351 дом [1, S. 47—55; 5, S. 168; 7; 15, S. 142]. Ужас местных жителей был настолько велик, что добросовестный Гиппель, впоследствии обербургомистр города, за две недели до своего официального вступления 4 января 1781 г. в эту непростую должность писал своему другу Иоганну Георгу Шеффнеру: «Вчера, 24-го, у нас был пожар; но надо начать с позавчерашнего дня. В тот день я с трудом улегся спать, думая: “О, Боже, только бы не было пожара!” — хотя я еще офи-

¹ Перевод с немецкого И.Д. Копцева и А.Н. Саликова.

циально не вступил в свою должность, но успел уже в этом деле все организовать так, чтобы вина за это не возлагалась на меня. Утром встаю, иду на проповедь своего [проповедника] Фишера, который произносит передо мной прекрасную проповедь об Иоанне и его словах: “Кто ты еси” — и вдруг!.. Меня вызывают из церкви еще до окончания первой части [службы]! — Я прибываю на пожар и благополучно всем руковожу!» [9, Bd. 14, S. 207]

Причины этих катастроф были различны. Прежде всего, нельзя забывать о том, что целые районы в густонаселенной части города состояли из домов, построенных частично из дерева; лишь градостроительное предписание от 2 декабря 1782 г., как сообщается, наложило запрет на применение фахверка². Близость Кёнигсберга к морю с его частыми штормовыми ветрами также способствовала быстрому распространению неожиданно вспыхнувших пожаров. Кроме того, очень длительное, но крайне небрежное, если не сказать бездарное, правление бургомистра Гиндерзина с конца 1751 по ноябрь 1780 г. ослабило контроль над всем настолько, что местная полиция и пожарная служба, никогда не извлекавшие из произошедшего серьезных уроков, пребывали в весьма плачевном состоянии (только Гиппель со вступлением в должность в 1780 г. сможет коренным образом все перестроить).

Но самую большую известность, в том числе и за пределами Восточной Пруссии, получил пожар, случившийся 11 ноября 1764 г. [5, S. 168, 292; 15, S. 142]. Огонь вспыхнул воскресным вечером при сильном западном ветре в лавке парусных дел мас-

² Фахверк (нем. Fachwerk от Fach — панель, секция и Werk — сооружение), в средневековой западноевропейской архитектуре деревянный брусчатый остов (каркас) малоэтажных зданий, состоящий из системы стоек, раскосов и обвязок, с заполнением камнем, кирпичом, глиной и др. — *Прим. пер.*

тера в складском районе Альтштадта — Ластади (Lastadie). Он быстро распространился через Герингсбрюкке (Heringsbrücke), Флахсвааге (Flachswaage), перекинулся затем на Королевский замок и запасники соли [5, S. 168]. Большие склады и сам Альтштадт остались нетронутыми, ветер перенес пожар в районы Лебенихта и Закхайма, которые выгорели почти полностью. Наряду с домами, складами и королевским лесохранилищем, включая складированные на лугах у Прегеля запасы леса, огонь превратил в пепел четыре церкви с их школами, ратушу Лебенихта и Большой госпиталь. Погибли 27 человек. Для восстановления понадобились многие годы и значительные финансы, причем последующие пожары препятствовали полному воссозданию облика города, вплоть до начала нового столетия.

Почти в современном стиле отреагировали писатели того времени на это событие. Любопытные приезжали даже из дальних мест или получали сведения от местных жителей. Об этом пожаре подробно сообщают «Жизненные воспоминания» Неттельбекка [16], а также «Сборник проповедей, отслуженных по случаю произошедшего 11 ноября 1764 г. большого пожара в Кенигсберге Пр... Вместе с предваряющим его историческим описанием...» [17]; среди прочих не последнее место занимают «Поэтическое описание трагического пожара в Кёнигсберге, 11 ноября 1764 г.» Готтлиба Шлегеля и «Траурная ода» Лауэна [14, S. 234], а также проникнутое чувством глубокого сострадания «Стихотворение в прозе о судьбе города Кенигсберга, с 11 по 13 ноября 1764 г.» рижанина Й.Ф. Пельхау [12, S. 377—379], но в особенности стихотворение Иоганна Готфрида Гердера «О пепле Кёнигсберга. Траурная ода». Последний пережил катастрофу за 11 дней до своего окончательного отъезда в Ригу.

Стихотворение в прозе приезжего журналиста Пельхау представляет собой нечто вроде поэтико-философского комментария к данному событию. Его нельзя назвать литературой с большой буквы. Нарочито высокопарный тон, косноязычие и судорожная театрализованность производят несколько странное впечатление

на современного читателя, а в том, что касается обстоятельств пожара, оно бедно информацией. Тем не менее стихотворение в достаточной степени дает представление о том всеобщем шоке, который охватил жителей города в связи с данным бедствием. Не столько размеры ущерба, сколько сознание общего бессилия и беспомощности [12, S. 378] повергало пострадавших людей в состояние коллективной меланхолии. Восходящее к Средневековью ощущение божественного суда возродилось вновь, и прежде всего осознание того, что подобное произошло вовсе не в цивилизованно и индустриально отсталых частях света за пределами Европы, вынуждало наблюдателя, как это имеет место в песнях Клопштока, к философскому смирению и обращению со всей серьезностью за утешением к религии [12, S. 378]. Не только «Повелительница Прегеля», но и «Знаменитый своим величием Версаль» или «Божественный Рим» [12, S. 378] получили тем самым предостережение!

Сходна с ним по своим намерениям и тональности ода Иоганна Фридриха Лаузона, снабженная девизом Б.Х. Брокеса, — стихотворное произведение огромных размеров, которое многоречиво развертывается в попарно рифмующихся александрийских стихах наподобие ораторий Генделя на религиозно окрашенную тему [17, S. 333—368]. И если в *Первом и Втором опытах*, написанных, соответственно, в 1753 и 1754 гг., лирические потенции автора продолжают оставаться ограниченными, все же нельзя не отметить определенную языковую зрелость и мастерство этого яркого представителя поэтической импровизации и сочинения стихов на случай [10, S. 1—18]. Стиль и форма выражения здесь уже не столь беспомощны и скупы, даже если откровенная бравада литературной эрудицией и игра метафорами представляются, как и в предыдущих произведениях, несколько плоскими и наивными, а его самодовольное морализирование, в котором явно просматривается намек на наказание и воздаяние за страдание, посылаемые и неумолимо распределяемые Небом, выглядит педантичным. Прежде всего, в нем отчетливо ощутим местный колорит. Чувствуется,

что поэт изображает на самом деле пережитое им событие, а самовольно взятой на себя ролью местного корреспондента хочет полностью угодить как современникам, так и потомкам. Сравнение с изображением (Evokation) пожара в «Песне о колоколе» Шиллера было бы, пожалуй, неуместным; тем не менее катастрофа описывается автором реалистично, подобно современному кинооператору, с точностью очевидца и психологическим проникновением в коллективное поведение пострадавшего населения, причем следует отметить местами весьма натуралистическое звучание:

Беда пришла неожиданно. Пожар нарастал, подобно крецендо, и кажется, сама божественная рука управляла им с самого начала:

*Одиннадцатый день месяца луны одиннадцатой года
Пришел вновь спустя вечность, черный весь от горя,
И на Кенигсберг смотрел он взором, полным сострадания.
Церкви пусты, трактиры ж, некогда пустые, полны народу.
И ни одно пошлое сердце не сказало, радуясь: Ты великолепен!
Поклонники Бахуса, шатаясь, на вакханок руки
Падали, дань празднику, Дню Мартина Святого воздая.
Час шестой прошел, несчастья еще не предвещая.
Но затем крик приглушенный ужаса заполнил город,
Так как замечен вдруг был в хижине небольшой огонь,
Едва ль опасности зародыш предвещавший.
Однако сильный ветер, пламя раздувая,
Как звук фанфарный, страх нагоняя, скорые последствия
имевший.
Вот охватил огонь уж крышу здания весов,
Тогда стали и горожанин, и солдат окрест о помощи взывать.
Лен, коноплю, зерно, масло, соль, вино — спасти все от пожара,
Но он вставал стеной, а ветер все крепчал [17, S. 336].*

И хотя целые кварталы домов были охвачены огнем, все же литератор-репортер радуется задним числом, что пожар не принял еще более угрожающих размеров, потому что человеческое, равно как и природное, вмешательство предотвратило худшее:

*Кнайпхоф объят уже пламенем, а на дома иные
поток огня обрушивается, но он гасится заботливой рукой
[17, S. 337].*

И:

*И помощь от дождя весьма большая, он тушит искры,
С огнем, словно борец, сражаясь.
И много центнеров пороха тем самым уцелело,
Ведь если б в него искра попала, то
Кнайпхоф был бы уничтожен [17, S. 337].*

Или:

*Прегель не смог огня потокам быть преградой,
Правда, обуздал он их, и Кнайпхоф устоял;
И Альтштадт ожидала уж такая же печальная судьба,
Но Бог пронес огня потоки мимо, хотя была опасность велика
[17, S. 337].
Вот снопы искр на новой башне ратуши взметнулись,
И все же ветра ураган ее не охватил своею силой,
И даже пощадил ее из древа сотворенный остов.
Казалось, чтобы послужить защитой крыше [17, S. 338].*

Лебенихту и Закхайму с их богатыми традициями церквями повезло меньше. С горьким сарказмом обвиняет поэт человеческое бессилие перед стихией:

*Огненный вал обрушивается на весь город.
Не успели еще спасти от пожара Ластадию,
Как уж Лебенихт в огне. — Огненные искры
Попадают в сена стог в Монашеском дворе,
Что ускоряет страшное несчастье Лебенихта,
Погибель Закхайма и многим жителям приносит смерть.
Горит уж Крумме Грубе, и Ратуша горит,
И Ланггассе превратилась в пепел!
Раскаленная лава усугубляет
Судьбу домов, число которых сорок минус один дом,
И страдания бедных горожан,
Что только лишь пивоварением кормились,
Пожар и грабежи их лишили и имущества, и крова.
Тот, кто бросит взгляд с Видденширрит на Ланггассе,*

*Туда, где у горы она среди церквей проходит,
То видит шахту он, где людей сотни копошатся,
Рудных ламп на шлемах не имея [17, S. 338].*

И все же Лаузон, известный как бродячий художник, не теряет, несмотря на бедствие, свое природное чувство юмора:

*Один там дрался, а другой же ноги уносил,
И этим приближались оба еще меньше к цели.
Тот, что наносил побои, хотел другого воду приносить заставить,
А тот, что убежал, побитым быть боялся.
Но что же за смешные вещи здесь я сообщаю,
Ведь даже самым суровым воспитанием
Никто не в силах все предотвратить?
Сводчатые подвалы почти нигде не обрушились,
Многие были наполнены пьющими солдатами и горрожанами;
Огонь пришел в тот самый день, что и праздник св. Мартина,
В честь чего каждый мог с радостью хмельному зелию пре-
даться.
Что с этим мог поделаться тут приказ начальства?
Кому охота вместе с пьяным в пекле оказаться?
И надо расценить как особую удачу,
Что в этой суматохе не совершилось ни одно убийство.
Все же хмель, возможно, был скорей во благо.
Во что поверить трудно, но вымысла тут нет;
Потому как иной настолько расхрабрился,
Что лезть готов был прямо в пекло, настолько был он пьян.
В нашем лучшем мире зло полезным может быть,
И опьянение порой идет даже непьющему во благо,
Мы знаем, что очень часто в самой гуще битвы,
Хмель мужеству подмога, а боязливым храбрость придает.
Не говорите только: поэт определенно питает страсть к бу-
тылке!*

*(Сей слабый стих он сочинял, за чашкой некрепкого кофе сидя.)
[17, S. 353]*

Но замешательство ужасно. Несмотря на всевозможную помощь, беда, как правило, настигает в подобных случаях прежде всего стариков, слабых и больных:

*Большой госпиталь, сгорев до тла, лежит в руинах,
Внутри видны несчастные в стенаньях,
Калеки, что едва кровать свою смогли покинуть,
Умалишенные при всем своем безумии неистово стучат,
Рассеявшись по всему городу, бегут,
Прося убежища и кров, и хлеба, и одежды.
Последних же вновь в крепость заточили,
А первым все необходимое успели люди дать;
И наше купечество заботою прониклось так о них,
Что благодарность им от бедных долго не иссякнет.
А тех, кто в страхе быстро в церковь убежал,
Тех поглотила огненная пасть в мгновенье ока.
Живьем они добычей стали для огня,
На их останках прах заметен плоти.
На алтаре иссохшее я вижу тело,
(Рыдает милосердие при виде искаженных черт лица)
Оно подобно мумиям, кои встречаются в пустыне,
Как те песком, оно иссушено горячим пеплом.
Здесь можно видеть и хромых, ведомых под руку слепыми*
[17, S. 339].

Пострадали также и памятники великим мира сего — как в церквях, так и на площадях:

*Здесь прежде можно было видеть прусских королей,
Стоящих во весь рост, чтоб современник и потомок
Их даже среди развалин узнавали,
Здесь статуя была Альбрехта, родоначальника сих мест.
Который одинаково был добр как к народу, так и к музам.
А также и король последний,
А равно князь иной, хвала которому моя слишком никчемна*
[17, S. 339].

Церкви с их художественными сокровищами, в особенности Заххаймская, разрушены полностью, как и квартиры священников и школьных учителей, в том числе и те, в которых Лаузон сам 13 лет преподавал и жил [3, S. 157, 261, 281; 17, S. 340]. Поистине апокалиптические черты, вызывающие перед глазами картины Судного дня, принимает облик церков-

ных склепов, где пламя угрожало даже могилам известных людей или знакомых, например могилам семьи легендарного Валенродта [7, S. 345] или еще в прошлом году часто публиковавшегося в *Кёнигсбергской ученой и политической газете* юриста Вернера [17, S. 260; 19, S. 174, 177, 248]. В Лебенихте особенно огорчает угроза, нависшая над длинной латинской надгробной надписью почитаемого поэта эпохи барокко Роберта Робертина [3, S. 265; 13, S. 47—79], близкого друга и покровителя великого Симона Даха, преемником которого, особенно в жанре надгробной поэзии, считал себя Лаузон:

*Содрогаясь внутренне, я направляюсь к церкви.
Склеп ее будит во мне полное ужаса чувство;
Открытую я вижу урну пепла пред собой,
С которой крышка уж давно свалилась,
С тех пор как молния ударила в нее.
Теперь нет крыши, и свод ее открыт.
Уже разбиты и колонны, и стена,
И железо не чинит теперь препятствий непогоде.
Там, где воздавалась хвала Богу, теперь ночные совы,

Сурово ухают свою сумеречную песню.
Разбитые колокола поют песнь тихую для склепа,
Их некогда громоподобный звук теперь напрасно о помощи вызывает.
Органа величественные звуки, как капли, падали на землю
И шептали дискантом похоронные стихи.
Амвон, который освящен был тому более ста лет,
Прежде чем огонь его разрушил,
Похож стал на обугленную головешку,
Украденную духом, ко рту и языку Исайи прикоснувшись.
Выгоревшая башня зрит удивленно на руины,
Но так как обнаженный ее остов не в силах крышу несть.
То она треснула надвое, и стена ее одна, что на углу,
Подобно обелиску накрыла урны печального ряда домов.
Поток огня проник вдруг и в могилы,
И затхлые останки, словно золото очистил.
Крещения основы были заложены для мертвых,
С тех пор как со смертью Адама новые явились христиане.
Вот гроб из меди, весь раздавлен он посередине,*

*А от гробов из дерева не осталось ни доски.
С купелью рядом стоит открытой урна с пеплом,
У которой огненное стекло повредило только дверцу.
Покой, что здесь царил когда-то,
Сам называет имена почивших в сих квартирах с миром.
Вот здесь покоятся подальше от огня останки графские
Из рода фон Лендорфа, достойные того, чтобы о нем скорбить.
А в этих урнах — прах молодых юношей отважных,
Один почил в Берлине, а при Хохкирхе пал другой,
Отцовский склеп собрал их всех останки воедино.
За них было отмщено врагу, однако не пожару.
А здесь покоится Симона Даха отрада, благородный Робертин,
Свод не дает огню распространиться, должна могла эта уцелеть.
Надпись надгробную, огнем не поврежденную, можно все еще
прочитать,
Что был он гением великим и Даха лучший друг
[17, S. 341].*

И так без конца. Вновь и вновь перо наблюдателя, ставшего летописцем, вводит в поле зрения читателя все новые картины ужаса и скорби. Однако бедный поэт, всю свою жизнь зависевший от материальной помощи местной олигархии, благодарно не забывает среди прочих проявлений солидарности подчеркивать усилия наиболее влиятельных людей, таких как каммерпрезидент фон Домхардт, который с риском для жизни лично участвовал в тушении пожара и затем сразу ходатайствовал перед королем и центральным правительством об оказании незамедлительной помощи [17, S. 347, 351], а также кёнигсбергский магистрат [17, S. 352], купечество, богатые иммигранты-гугеноты из Франции, которые в беде снова братски объединяют в вере Лютера и Кальвина [17, S. 364], и даже еврейство, которое своим примером показывает, «что Геллерт так же хорошо может изображать евреев, как и Лессинг!» [17, S. 358]. Лаузон сообщает даже, что такие удаленные чужие города как Регенсбург, Бордо, Берлин и Рига, уже начали оказывать материальную и моральную поддержку [17, S. 359], и он довольно сердито просит города-побратимы Данциг, Ельбинг и Торн последовать их примеру.

Кроме того, он возмущается поведением тех, кто вел себя недостойно, например жестокосердных эгоистов и трусов [17, S. 365], и прежде всего — такое бывало уже и тогда! — возможных поджигателей:

*Вы, бестии! — Однако стоп! Не ошиблась ли моя рука?
Нет, определенно людьми нельзя вас больше называть,
У которых этот пожар пробуждает сердце тигра,
Ибо в уже потушенных местах огонь разводите вы вновь.
Вы отреклись настолько от общечеловеческого права,
Что ваш разбойничий кулак довольствуется его (права) жалким
блеском:
Да сгинете Вы, зверям подобно, все в огне,
И пусть костер вам будет мавзолеем [17, S. 366].*

Предостережение звучит и в адрес хорошо устроившихся священников, поведение которых делает мало чести их сану:

*Вы, богатые священники, позвольте свет ваш
Его амвона,
Мирыням бедным видеть, не покрывайте его четвериками,
Не запирайте вашего бога, Мамона, в сундуке,
Вы деньги в долг даете под проценты? — Сейчас!
— Поэтому вам можно не поститься;
Пожертвуйте же деньги — те, что вы купечеству
Под жирные проценты отдаете. Оно сулит вам больше барышей?
Так поступайте так же, как оно, сжальтесь над собратьями
своими
[17, S. 357].*

Но Лаузон убежден, что город Оттокара восстанет, как птица Феникс из пепла. Не без лести и преисполненный гордости за свой край и патриотизма [17, S. 367], он связывает дальнейшую жизнь своего родного города с жизненной силой прусского орла, ради которого трудился Фридрих Вильгельм I, и прежде всего с достойной доверия рукой Фридриха Велико-го, которой якобы воздал следующую хвалу Кёнигсбергу: «В каждом очаге он [Кёнигсберг] остался верен своему господину» [17, S. 367], и это несмотря на то, что Фридрих, по достоверным источникам, со времени заключения мира в 1763 г.,

негодую на противоречивое поведение города во время русской оккупации, до самой своей смерти в той или иной степени не питал особого своего расположения к Кёнигсбергу.

Этот документ является, без сомнения, культурно-историческим свидетельством, выполненным как фрагмент пережитой местной хроники, который, не обладая большой художественной ценностью, убедительно отражал увиденные факты и был предназначен не только для собственного удовлетворения, но и — еще в большей мере — для будущих поколений.

Однако с литературной точки зрения записанная по памяти скорбная ода Иоганна Готтфрида Гердера читается, пожалуй, интереснее всего. Через несколько дней после пожара, 22 ноября, он навсегда покинул город на Прегеле в направлении Риги, через Россгартенские ворота, в сопровождении своего друга и наставника Иоганна Георга Гаманна, «мага с севера» [6, Bd. 2, S. 272]. Его довольно длинное стихотворение было позднее отредактировано и через год отдано в печать.

О пепле Кёнигсберга

Траурный хорал

(Митау, издано Кристианом Лидке в 1765 г.)

{17, S. 377—382; 8, S. 13—15}

*Я видел! (пророк дрожит, объявляя это:
Взор его все еще застилает черная, как ночь, пелена!) —
Если есть народ вокруг меня,
То пусть рыдает он и внемлет жалобам развалин,
Посыплет пеплом голову и отдаст им поклон!
Ибо в день смиренной субботы
Увидел я лик со взором, обращенным восхищенно к небу:
И узрел: Как с облаков Обаддона,
С мечом огненным в руке,
Взошел на колесницу бури он крылатую.
Ангел смерти! И написал он скипетром,
(Как Бельзацерн, так я дрожу всем телом!)
Он написал на огненной могиле*

Королевского города следующее знамение!
 «Квартиры Иеговы сегодня да будут храмом! А храм сей — его
 очагом!» — «И золото дворцов твоих — добычей пламени!
 Да станете вы пеплом!» —

И тут упала с меча херувима искра
 (Как та звезда Абаддона), и его нога
 Послала за ней следом бурю с черным оперением:
 И стала искорка рекою
 Вихрей волн высоких, словно Этна,
 Горами дым, который душитель
 Обернул вокруг себя, как победоносную тогу,
 А земли пороги изогнулись —
 Шипя, потоки книзу изливались, и искры сыпались дождем,
 Пока то здесь то там, словно Титанов войско,
 Не воспламенялся Фарос и повсюду не кипело радужное море.

А по нему дул ветер штормовой, так страшно воя,
 О, плачьте и громкие свои стенанья
 Сливайте во всеобщий стон, в котором крик отчаянья
 Звучит. Крик, который долетает из огня,
 От сына, старика, того, кто умирает,
 И множества больных, как из десницы Молоха!
 «Так слушай это, херувим! Позволь поблагодарить тебя за слезы!»
 Тут взвешивает он. — Но его рука
 Устремляется вперед — бьет полночь уж, и утро;
 Но все еще работают весы: и сумерки,
 И ночь, и день весь до утра,
 Вот они стали! — Довольно, наконец!
 На колени! — С последним пламенем вознесся он,
 С тридцатью мучениками на небо! — Увидел Бог,
 Что город стал, как Вавилон,
 Нагой, осиротевший,
 Огромный дымящийся алтарь,
 На нем — нужда, и голод, и мороз — сонмы гарпий! —
 Воровство: он стонет, он рыдает!
 И молвил он: «Да быть пощаде!! Все, что сила гнева разорила,
 Пусть будет все исцелено!»
 Сказал он так, и сила заструилась от него:
 Место пепелища пришло в движение,

*Останков прах поднял свое чело святое,
Чтобы в молитвах о милости у Карающего просить,
А Спасителю хвалу воздать.
Так, как он поднимает дворцы
Венценосные из пепла до небес,
Так на праздник вознесенья
Восстали тела из пепла
И танцуют радостно вокруг могил в лучистом облаченье:
Танцуйте же — Провидец зрит! —
Так и ты, город, затанцуешь
Скоро — вместо ужаса опустошения —
Вокруг нового города!*

Ода эта часто обсуждалась [4, S. 158—160]. Весьма характерно, что молодой поэт в том, что касается формы и выражения, опирается на усвоенное им античное наследие: пятнадцать четырехстрочных ямбических строф с перекрестной рифмой, из которых два первых стиха имеют пять ударных слогов, третий — четыре и четвертый — три с попеременно звонким и глухим окончанием создают с помощью свободно используемых цитат и образов из Библии и литературной классики, подобно гимнам, потрясающее впечатление. Это произведение представляет собой высокопарную, перегруженную обращениями, восклицаниями, тире и смелыми языковыми новообразованиями, местами еще несколько ритмически тяжеловатую стихотворную оду, форму которой начинающий лирик кропотливо осваивал в течение своей двухлетней учебы в Кёнигсберге и которая еще отчетливо излучает влияние почитаемого им Гамана. Однако оно может быть оценено как одно из самых зрелых творений первого, лирического периода творчества автора и сравнимо с его печатным первенцем — «Киру» [11, S. 99—116]. Как и в произведениях Шлегеля и Пельхау, в центре внимания вновь оказывается не конкретная, относящаяся к месту документальная информация, а философски-теологическая интерпретация события. Гердер воспринимает катастрофу как испытание для города и наказа-

ние, посланное Богом. Однако он обладает значительно большей поэтической силой, и уже с первыми словами он, как ярко выраженный эгоцентрист, искусно сочетающий элементы языческого и христианского наследия, берет на себя роль вдохновенного свидетеля и пророка.

Эта позиция не лишена определенного самодовольства, которым, впрочем, Гердер отличался всегда, и соответствует в целом самоуверенности пророков Ветхого Завета и автора *Тайного откровения*, к которому он охотно возвращается, например: внезапно всемогущий Бог потерял терпение и решил покинуть «королевский город», предстать, как когда-то в книге Даниэль перед святотатствующим королем грешников Вавилона Белзацерном, со зловещим предзнаменованием в виде опустошительного моря огня! Название «королевский город» может быть аллюзией на разрушение Иерусалима и его храма. И, как это часто бывает в библейском предании, Бог послал гигантского ангела смерти из царства мертвых в качестве вестника возмездия. Контраст между первоначальным воскресным покоем и последовавшим затем разрушением, ночной темнотой и ярко вспыхивающим предвестником пламени тотален. Здесь напрашивается сравнение с импрессионистской фреской ужаса Георга Геймса «Война», так как и тут и там поэтическая гиперболизация в виде огромных фантастических образов рисует жуткий и одновременно красивый спектакль, в котором карающая справедливость и сатанинское наслаждение от уничтожения сливаются в единое целое, а смешанные друг с другом первоэлементы в ужасе хаотично горят. Бог евреев и христиан неистовствует, ни в чем не уступая богам языческого пантеона. Наиболее частыми словами являются «огненный поток», «буря», «река», «вихрь», «волны Этно до небес», «ливень», «дождь искр», «Фарос», «армия великанов», «семицветное море», «армия гарпий» и т. д., а также употребляемые с целью иллюстрации глаголы со значением исключительной силы, движения и звукописи; к ним добавляется старый Молох, без различия поколений и полов пожирающий людей, в то время как фурии ветра, как призраки, придают картине звучание,

ритм и динамизм. Недоступность понимания происходящего демонстрирует величину и гнев всемогущего. И возникает вопрос: не мог ли поэт, работая над рукописью, вспомнить о пророческих стихах бывшего профессора Альбертины Иоганна Георга Бока, который в потрясающих по силе словах предвосхитил следующее тотальное разрушение Кёнигсберга пожаром:

*Кто знает, что тебе грядущее однажды уготовит,
Не пересечет ли путь твой однажды варвар,
Не превратятся ли кварталы светлых улиц
В окуренные дымом развалины, как уж бывало.
Кто знает, как скоро время повергнет твои храмы?*

*Тогда терновник колкий земли проклятьем станет,
А Молох и крысы свершат свой отвратительный помет,
Там, где теперь торговля и искусства цветут
под благосклонной сенью
[2, S. 310; 11, S. 55].*

Однако точно так же, как Иегова в начале библейской истории не смог с помощью потопа уничтожить все живое или как он спас из Содомы и Гоморры нескольких праведников, а евреи выжили под ужасным господством вавилонян и справились с греховным поклонением золотому тельцу, точно так же и молодой богоутверждающий Гердер предвидит конец божественного гнева. Это еще не Страшный Суд. Всемудрейший смилостивился. Так же и эта огненная катастрофа не уничтожит столицу Восточной Пруссии полностью! После двух дней и двух ночей наказание на третий день исполнено. Мститель одновременно становится и спасителем! Как восставшая из пепла птица Феникс, королевский город будет праздновать праздник воскресения. И «прыгать» — певец отмечает это трижды! — станет эйфорически, как упоминающаяся во многих местах Библии воскресшая женщина. Здесь чувствуется, с одной стороны, реалист, с другой — теолог. Так как город все же не был разрушен полностью, Гердер не может сомневаться в доброте всемилостивейшего. Это почти в клопштоковском стиле выраженный символ веры — здесь следует вспомнить о

заключительной части *Весеннего праздника*, — что выглядит, однако, несколько странным, поскольку Гердер, как известно, ни в коей мере не был привязан к Кёнигсбергу, за исключением своего наставника Гамана и друга Куреллы, — и, покидая город, без сожаления отряхнул прах его с ног своих. Он проводит, следовательно, различие между культурно-историческим значением столицы ордена и провинции и ее жителями, ему скорее неинтересными. Игра его лирического воображения выходит, таким образом, за рамки самого события. И поэтому — в определенной мере пророчески — он также предвосхищает слова, которые скажет спустя почти два столетия Агнес Мигель: «Кёнигсберг, пусть будешь ты бессмертным!» [18, S. 257].

Список литературы

1. *Baczko Ludwig* v. Versuch einer Geschichte und Beschreibung Königsbergs. Königsberg: Göbbels u. Unzer, 1804.
2. *Bock Johann George*. Gedichte Königsberg / Druckts und verlegt's Johann Heinrich Hartung, 1756.
3. *Bötticher Adolf*. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg. Reprint der Ausg. v. 1897. Frankfurt a. M.: Weidlich, 1983.
4. *Fuhr Christa*. Herders Gedichte der Mohrunger und Königsberger Zeit. Beginn der Suche nach dem Göttlichen. Diss. Berlin, 1956.
5. *Gause Fritz*. Die Geschichte der Stadt Königsberg. Bd. II: Von der Königskronung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Köln-Graz: Böhlau Verlag, 1968.
6. *Hamann J.G.* Briefwechsel / Hrsg. v. Walther Ziesemer und Arthur Henkel (ZH). Wiesbaden: Insel-Verlag, 1956.
7. *Henning-Schroeder*. Chronologische Übersicht der denkwürdigsten Begebenheiten in Preußen. Königsberg, 1828.
8. *Herders Sämmtliche Werke* / Hrsg. von Bernhard Suphan. Bd. 29. Berlin, 1889.
9. *Hippel Theodor Gottlieb von*. Sämmtliche Werke. Berlin: Reimer, 1827.
10. *Kohnen J.* Der Lokalpoet Johann Friedrich Lauson // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. 19. Jg. Heft 81. Lüneburg, 1986.

11. *Kohnen J.* Lyrik in Königsberg. 1749—1799 // Regensburger Beiträge zur deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Reihe B / Untersuchungen 74. Frankfurt a. M.: P. Lang, 2000.

12. *Königsbergsche* Gelehrte und Politische Zeitungen. 95. Stück. Freytag, den 28. December 1764.

13. *Lauson J.F.* Das Lorbeerwürdige Andenken eines vor hundert Jahren verstorbenen großen Preußischen Dichters, M. Simon Dach // Königsberger um Kant. Herausgegeben von Joseph Kohnen / Deutsche Bibliothek des Ostens. Herausgegeben von Karl Konrad Polheim und Hans Rothe. Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1993.

14. *Lauson J.F.* Erster und Zweyter Versuch in Gedichten. Bey Johann Friedrich Driest, Königsberg, 1753.

15. *Lindemann-Stark A.* Leben und Lebensläufe des Theodor Gottlieb von Hippel // Saarbrücker Beiträge zur Literaturwissenschaft / Herausgegeben von Karl Richter, Gerhard Sauder und Gerhard Schmidt-Henkel. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 2001.

16. *Nettelbeck J.* Lebenserinnerungen / Hrsg. von Haken. 3 Bde. Leipzig, 1821/23. 4. Aufl. 1874.

17. *Sammlung* einiger Predigten welche bey Gelegenheit der den 11. Nov. 1764 entstandenen großen Feuersbrunst zu Königsberg i. Pr. sind gehalten worden nebst e. histor. Vorbericht / Herausgegeben von Johann Daniel Zeise. Königsberg, 1765.

18. *Sviet ty moi edinstviennui.* Du mein einzig Licht. Gedichte Königsberger Dichter. Zusammengestellt und übertragen von Sem Simkin. Kaliningrad, 1993.

19. *Taszus C.* Die Königsbergschen Gelehrten und Politischen Zeitungen in den Jahren 1764 bis 1768. Ein Repertorium // Publications du Centre universitaire de Luxembourg. Germanistik. Heft XII. Luxembourg, 1998.